

**ВОКРУГ
ЧЕРНЫШЕВСКОГО**

«ГРУСТНЫЙ И БЛАГОРОДНЫЙ О Б Р А З»

Адольф Демченко
доктор филологических наук

От редакции:

В центре Саратова высится памятник Чернышевскому. Советская эпоха сотворила из него классика революционной теории, призывавшего народ «к топору». Идеями Чернышевского было удобно обосновывать эксперимент разрушительной большевистской революции и жестокий опыт строительства социализма.

Но повинен ли выдающийся русский публицист перед судом истории хотя бы морально? Призывал ли он народ к кровавым расправам? На эти вопросы, на наш взгляд, не может быть утвердительного ответа. Существовавший в России государственный порядок Чернышевский крушил пером, а не топором. Он отчетливо предвидел катаклизм общественного развития и открыто предупреждал власть о последствиях «ожидаемой развязки».

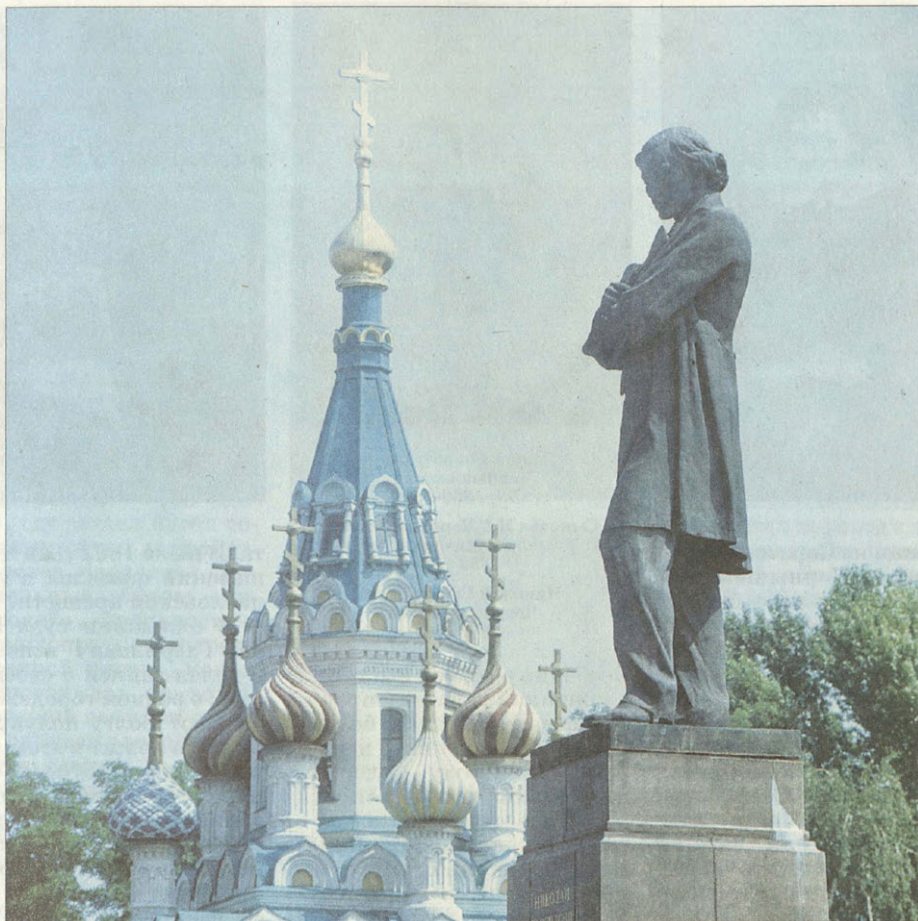
Судебно-полицейская машина самодержавия растоптала жизнь Чернышевского, признав его «государственным преступником».

Советская власть не просто канонизировала Чернышевского (он действительно был мучеником), но и безнравственно использовала мечты писателя-гуманиста о всеобщем счастье для оправдания своего права на насилие.

Застывший в задумчивости Чернышевский, как бы ни извращали его убеждения, как бы ни упрощали его взгляды в угоду политическому экстремизму, всегда будет достоин своего пьедестала. Он предупреждал Россию и ее властителей о грядущей беде и не вина публициста, что его не услышали.

Николай Гаврилович Чернышевский родился 12(24) июля 1828 года и на другой день крещен в располагавшейся неподалеку от дома его родителей Сергиевской церкви.

Первые детские впечатления будущего кумира революционно настроенной молодежи шестидесятых годов — «строгий и строго нравственный образ жизни» родителей и ближайших родственников Пыпиных; книги отцовской библиотеки, лучшей среди священников епархии, на языках древних (греческом, латинском, древнеславянском) и европейских (немецком, французском). Что же особенно врезалось в его память? Это семейное чтение религиозных «Великих Четий-Миней» о жизни святых; юродивый Антонюшка, бедный чудак, проповедник идей душевного спасения и наказания несправедливых, гонимый и находивший сочувствие в бабушке Пелагее Ивановне Голубевой; впечатляющий рассказ взрослых о судьбе одаренного врача Яковлева, полюбившего крепостную и покончившего с собой после отказа помещика отдать ему ее в жены, и — по социальному контрасту — подробности из жизни любившего повеселиться губернатора А.Д.Панчулидзева, этого «Людвика XIV саратовской истории», или толки о полицейском, долгое время тайно возглавлявшем местную банду грабителей; полная алогичности картина преследования несколькими будочниками-замухрышками большой толпы молодых, крепких мужчин, участников кулачных

Два разных символа истории — одна Россия, наше неделимое духовное наследие

боев. Впечатления ранней юности позднее привели Н.Г.Чернышевского к серьезным размышлениям о взаимоотношениях власти и народа.

И Волга, синей свежестью охватывающая город и как бы продлевающая степные саратовские просторы. Она была «роднее всего, кроме своего двора, моему детству», — утверждал Николай Гаврилович.

В Саратовской духовной семинарии получил он начальное классическое образование. В родной город приезжает Чернышевский из столицы по окончании университетского курса кандидатом словесности и гимназическим учителем с высокими намерениями сделаться «новым Пигмалионом», содействуя развитию

юношей, душа которых, как писал он литератору М.И.Михайлову, еще не умерла и не окончена.

Он заговорил с учениками на «вы» — невиданное по тем временам внимание к человеческому достоинству. На его уроках зазвучали страницы из произведений Гоголя, Салтыкова, Гончарова, Тургенева, Некрасова. Делались смелые комментарии к статьям «неистового Виссариона» и что особенно встревожило гимназического директора, к строкам запретного письма Белинского к Гоголю — манифеста антикрепостнической России, клеймившего рабство и призывавшего введение по возможности строгого исполнения «хотя тех законов, которые уже есть». В дружеском окружении Ни-

колая Гавриловича тогда были историк Н.И.Костомаров, коллега по гимназии Е.А.Белов, поэтесса и собирательница фольклора А.Н.Пасхалова. В провинциальном Саратове пятидесятых годов они составляли кружок высокообразованных людей, увлеченных исторической и поэтической сторонами жизни народа, искренно работавших для просвещения и социальных улучшений.

В ту пору Николай Гаврилович женился на Ольге Соколовне, дочери местного врача. Он готовится к магистерским экзаменам для получения ученой степени и в последующем университетской кафедры. Ему не терпится также попробовать себя на поприще писателя-публициста.

Ольга Сократовна
Чернышевская
1859—1860-е годы

Сыновья Н.Г. Чернышевского
Александр и Михаил в детстве
1862 год

Николай Гаврилович
Чернышевский
1859 год

Уезжая из Саратова в Петербург, Чернышевский еще не знал, какое бурное десятилетие ожидает его впереди. Пройдет совсем мало времени, и его как талантливого публициста, авторитетного литературного критика, философа и социолога, глубокого экономиста, узнает вся Россия, и он станет идейным руководителем целого поколения людей, вошедших в историю общественной мысли под именем «шестидесятников».

Из Петербурга Чернышевский часто шлет письма в Саратов. В одном из них читаем: «...Как и всегда, как и каждый час, я буду мыслями в Саратове, которого, можно сказать, никогда не оставляли они — разве только в минуты сна без сновидений». Живя в столице, Чернышевский дважды побывал на родине — в летние месяцы 1859 и 1861 годах, навещая отца, который умер на восемь лет позже матери Николая Гавриловича.

Статьями Чернышевского зачитывается молодежь. «Репутация его растет не по дням, а по часам — ход ее напоминает Белинского, только в больших размерах», — писал Некрасов Добролюбову в 1861 году. С непримеримой решительностью Чернышевский обрушился на половинчатость проводимых правительством Александра II реформ.

Особенно резко он выступил с критикой действий правительства в «Письмах без адреса», запрещенных цензурой в 1862 году. Содержащие крепостного вопроса Чернышевский поставил в связь с общими принципами, составившими сущность самодержавного государственного устройства в России. Без вовлечения народа в реформы, по мнению публициста, не могло быть и речи о прогрессивных преобразованиях.

Чернышевский объяснял основные причины неудачи реформы тем, что Александр II отменил крепостное право «силою старого порядка», при помощи старой бюрократии, не заинтересованной в общественной пользе.

Подогреваемые демократической журналисткой забурили политические страсти. Резкая критика действий правительства и царя сделала имя Чернышевского символом надвигающейся революции. Захваченная полицией анонимная прокламация «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», где содержались призывы собирать силы для будущих выступлений, послужили поводом для ареста публициста.

та. В июле 1862 года Чернышевский оказался в Петропавловской крепости.

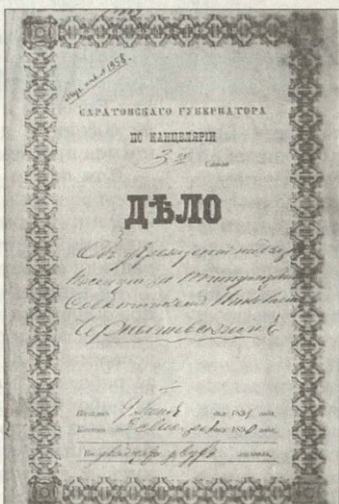
В ожидании суда Николай Гаврилович вспоминал и делал записи о своем детстве, о родном городе: «Горы огибают Волгу полукругом. Саратов лежит в этом амфитеатре на предгорьях северной стороны; местность живописна. Соколова гора, — так называется та часть стены амфитеатра, к которой прилегает Саратов, — видна со всех улиц города. Она подходит полною своею высотой к самому берегу реки, — отвесным обрывом... Противоположный конец амфитеатра синее далеко мысом, врезающимся в Волгу... Амфитеатр гор прекрасен... Множество лощин, буераков, — и диких, и светлых, веселых, — иные из них прелестны... В очень многих лощинах и ущельях гор — сады; и по предгорью внутри амфитеатра много садов... Верстах в 3—4 от берега Соколова гора спускается в глубину амфитеатра довольно отлого, весенняя вода с северного края амфитеатра, нашедши небольшой перегиб в отлогости спуска, обратила его в глубокий овраг... Вдоль оврага подъем от берега в глубину амфитеатра ровный, пологий; но дальше к югу предгорье падает к берегу террасою; между террасою и берегом весенней воды идет полоса с полверсты шириною.

Эта прибрежная полоса, крутой спуск террасы, вся терраса заняты городом; еще дальше вниз по Волге, к югу, терраса опять незаметно переходит в дно амфитеатра, — зато само дно поднимается довольно высоким берегом, — и это все застроено, отчасти уж на моих глазах; еще дальше начинаются поемные луга, с небольшими озерами или большими плоскими блюдечками воды, остающимися от разлива». Эти описания до сих пор остаются одними из самых поэтических.

В тюремной камере Чернышевский написал выдающийся роман «Что делать?», где создал идеал социалистического устройства общества, нарисовал привлекательные образы «новых людей», противостоящих пошлости и отсталости современной жизни. Роман этот просочился на волю, взбудоражив все слои общества и принеся автору литературную славу.

Попытки властей связать имя Чернышевского с анонимной прокламацией и тем самым придать следствию и суду над ним вид законности оказались несостоятельными. Фальсификация и подтасовки в его деле были известны уже современникам, а ныне доказаны документально. Тем не менее в 1864 году Чернышевский был осужден на бессрочную ссылку с лишением всех прав и имущества, затем подвергнут публичному оскорблению — «гражданской казни».

Призывал ли писатель народ «к топору» на самом деле? Привычно отвечать на этот вопрос утвердительно. Действительно, Николай Гаврилович в «Письмах без адреса» открыто предупреждал Александра II об «ожидаемой развязке» — революции. Но при этом говорил: «Не вы один, а также и мы желали бы избежать ее». Чернышевский предвидел, что справедливо негодующий народ, не удовлетворенный начавшейся крестьянской реформой, в своей сле-

Чернышевский
в последние годы жизни

Дело по канцелярии саратовского губернатора «Об учреждении надзора полиции за титулярным советником Николаем Чернышевским» 1889-1890-е годы

пой ненависти «не пощадит и нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию». Убежденный демократ и социалист не мог призывать к кровавой анархии, а лишь прозорливо предвидел такую развязку...

Почти двадцать лет провел Николай Гаврилович в сибирской ссылке. Письма от него к родным поступали нечасто. Они были адресованы жене, сыновьям Сапе

и Мише, двоюродному брату Александру Пыпину. В этих длинных, наполненных сибирским одиночеством письмах, содержится множество неспешных строк-воспоминаний о родном городе и дорогих его памяти людях.

Только в августе 1883 года Чернышевскому разрешили переехать в Европейскую Россию — поначалу в Астрахань. Спустя шесть лет ему разрешили вернуться в Саратов. Этот последний период жизни писателя оказался самым кратким — четыре месяца. Основной работой, дававшей средства к жизни воссоединившейся семье, стал перевод с немецкого двенадцати книг многолетней «Всеобщей истории» Г. Вебера. Николай Гаврилович успел подготовить к печати обемистый том «Материалов для биографии Н.А. Добролюбова», которые увидели свет уже после смерти автора, в 1890 году. Чернышевский намеревался написать биографическую монографию о Добролюбова, издать свое собрание сочинений, подготовить издание сочинений А.Я. Панаевой, составить обзор литературного движения 1870-х годов, но не успел. В октябре 1889 года его не стало.

Жене Чернышевского писали в скорбные дни: «Вы похоронили то, что было смертного в Николае Гавриловиче, но слава его не умрет, пока живы в русском обществе любовь к народу и стремление к справедливости, пока не угасла в нем вера в лучшие идеалы человечества».

«Нравственное качество его души было испытано великим испытанием и оказалось полновесным, — отозвался о Чернышевском далекий от его воззрений религиозный мыслитель и поэт Владимир Соловьев. — Над развалинами беспощадно разбитого существования встает тихий, грустный и благородный образ мудрого и справедливого человека».